

Сергий

**Московский благовещенский
священник Сильвестр, как
государственный деятель**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
С32

С32 **Сергий**
Московский благовещенский священник Сильвестр, как государственный деятель / Сер-
гий – М.: Книга по Требованию, 2024. – 75 с.

ISBN 978-5-519-73335-9

ISBN 978-5-519-73335-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ историческомъ изслѣдованіи, или въ политической характеристикѣ нѣтъ нужды вдаваться въ отдѣльную литературную характеристику каждаго письменнаго памятника; мы должны смотрѣть на литературныя произведенія самаго характеризуемаго лица и современныхъ ему писателей, какъ на вспомогательныя средства, для составленія политической характеристики. Для насъ важенъ вопросъ, какъ вѣрно ведутъ насъ эти средства къ нашей цѣли. Памятники и пособія, съ которыми мы должны имѣть здѣсь дѣло, суть: письма Грознаго, сказанія Курбскаго и сочиненія самаго Сильвестра. Письма Грознаго—слишкомъ ненадежное пособіе. При всѣхъ счастливыхъ умственныхъ дарованіяхъ и огромной, по тому времени, начитанности своей, Грозный былъ самоучка, и, какъ у всѣхъ самоучекъ, формы языка, на которомъ онъ читалъ и учился, имѣли для него чрезчуръ большое, подавляющее разсудокъ значеніе; безъ изученія особенностей этихъ формъ, при подавленности умственныхъ способностей чрезчуръ развитымъ воображеніемъ, нервною чувствительностію, страстностію природы, порывами истерическаго самолюбія, онъ не могъ совладѣть построеніемъ рѣчи, накидывалъ слова, предложенія безъ связи, бросался отъ одного предмета къ другому, не кончивши одного, начиналъ другое. Оттого на основаніи однихъ и тѣхъ же словъ егоистики дѣлаютъ выводы совершенно противоположные и заключаютъ къ событіямъ совершенно разнороднымъ. Къ тому жъ онъ пишетъ о

ательность о. Сильвестра, въ полныя таинственности и окруженный ореоломъ величія отношенія его къ Грозному до того проникнуты, одушевлены религіознымъ этимъ духомъ, животворною всеобъемлющею силою вѣры, что, изображая его съ политической стороны, имѣешь дѣло какъ бы съ религіознымъ и церковнымъ дѣятелемъ. Но главное, эта безсмертная въ исторіи, но малоизслѣдованная наукою личность имѣетъ интересъ для церковно-исторической науки: на ней (личности) мы видимъ, что можетъ сдѣлать Церковь на службѣ государству и какъ много сдѣлала она въ государственномъ нашемъ строеніи, съ ея всеозидующими животворными началами, съ ея неземными, всеустраивающими силами и воздвигаемыми ею вождями и просвѣтителями общества.—Умеръ онъ въ изгнаніи, страстотерпчески мученически—на „Русскомъ Аѳонѣ“, въ Соловецкомъ монастырѣ „Архангельскія области“. И потому „сей пришлецъ изъ Новгорода Великаго“, откуда шли въ нее христіанство и гражданственность (цивилизція) еще съ XII вѣка, „изгнанный изъ царственнаго града Москвы“, изъ которой да изъ Казани постоянно приливали къ ней притоки новой православно-религіозной и русско-народной волны, великая историческая личность вообще, Богомудрый о. Сильвестръ рано или поздно долженъ быть причтенъ къ „сонму подвижниковъ крайняго Сѣвера и всея Россіи“ и для перваго изслѣдованіе о немъ имѣетъ особенный мѣстный интересъ научный, историческій, жизненный.

нашемъ дѣятелѣ подѣ влияніемъ страсти, какъ нервный недотрога, въ порывахъ личной ненависти, что называется, съ пѣною во рту, и потому желчныя отзывы его о Сильвестрѣ не заслуживаютъ почти никакого вѣроятія. Въ сказаніяхъ Курбскаго больше ясности, стройности и спокойствія въ изложеніи, и хотя онъ пишетъ въ духѣ кружка Сильвестра, но его похвалы Сильвестру далеки отъ обычныхъ предрассудковъ партіи и страдаютъ очень небольшими преувеличеніями. Курбскій имѣлъ личныя причины хвалить и хулить Сильвестра: знаменитый своимъ происхожденіемъ, образованіемъ и заслугами, Курбскій не могъ вспомнить равнодушно, что поповичи, „писарки не изъ шляхетскаго благородства“ возвышались государемъ и получали важныя государственныя должности; *) но предъ обаяніемъ Сильвестра смолкла его сословная непріязнь; онъ самъ заискивалъ чести попасть въ Сильвестровъ кружокъ, и, по паденіи своего вождя, когда исчезла всякая надежда на восстановленіе его и на полученіе чрезъ него какихъ-либо милостей отъ царя, сохранилъ о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія: не знакъ ли это, что въ своихъ похвальныхъ отзывахъ о немъ писатель не мало руководится уваженіемъ къ безпристрастной истинѣ и несомнѣннымъ доблестямъ? Гораздо болѣе безпристрастными историческими свидѣтельствами должны оставаться для насъ писанія самого Сильвестра какъ тѣ, которыхъ онъ былъ только издателемъ и собирателемъ, т. е. обширный Домострой, такъ и собственныя произведенія его: наставленіе отъ отца къ сыну, челобитная его къ Московскому собору 1554 г. и посланія его къ Шуйскому-Горбатову, воеводѣ сопредѣльнаго Архангельской области царства Казанскаго. Тѣ и другія сочиненія, какъ увидимъ изъ подробнаго анализа ихъ, служатъ живымъ отраженіемъ личности Сильвестра, вѣрно мѣркою умственнаго его уровня, высоты и гуманности политическихъ его воззрѣній, его интересовъ, стремленій, цѣлей и средствъ, на которыя опиралась его политика. По нимъ-то главнымъ образомъ мы и будемъ опредѣлять духъ и характеръ политической его дѣятельности.

1.

Въ самомъ началѣ литературно - политической характеристики предъ нами сами собою встаютъ вопросы: 1) какъ широко было умственное образованіе этого даровитаго отъ природы человѣка, и 2) гдѣ онъ получилъ такую подготовку, выработалъ такой тактъ, что

*) Истор. Іоанна, стран. 49, сочин. Курбскаго издан. Устряловымъ.

сразу же забираетъ къ себѣ въ руки самыхъ лучшихъ людей времени и сразу же является замѣчательнымъ политическимъ дѣятелемъ? На первый вопросъ даютъ намъ отвѣтъ его сочиненія и преимущественно его посланія. Изъ нихъ видно, что онъ былъ хорошій знатокъ Св. Писанія, усвоившій себѣ его духъ, складъ рѣчи. Его риторика была, такъ сказать, библейская; рѣчь его простая и вмѣстѣ величественная, теплая, задушевная, дышащая высокимъ, искреннимъ благочестіемъ, и на современниковъ, должно быть, производившая чрезвычайное впечатлѣніе. Видно также, что онъ былъ очень начитанъ изъ патериковъ и другихъ подобныхъ произведеній, бывшихъ въ обращеніи между грамотными людьми того времени. Онъ обнаруживаетъ, наконецъ, знакомство съ изреченіями древнихъ языческихъ мудрецовъ, наприм., Демокрита, и со многими свѣдѣніями изъ Римской и Греческой исторіи. Если присоединить сюда, что онъ хорошо зналъ греческій языкъ, любилъ читать и переводить съ греческаго духовныя книги,—что видно изъ оставленныхъ имъ въ Кирилловомъ монастырѣ греческихъ книгъ (псалтири, апостола и проч.), *) то и по этимъ уцѣлѣвшимъ даннымъ можно смѣло сказать, что онъ былъ цѣлою головою выше современныхъ ему соотечественниковъ, и что развѣ одинъ Курбскій, (и то впослѣдствіи, когда довершилъ свое образованіе въ Литвѣ) могъ помѣряться съ нимъ. Самъ Грозный, „великій словесныя премудрости риторъ“, многими своими свѣдѣніями и навыкомъ писательства обязанъ былъ Сильвестру. Въ этомъ-то умственномъ превосходствѣ и заключается одна изъ главныхъ причинъ обаянія, какое онъ производилъ на народъ и самую интеллигенцію общества. Что касается до предварительной его подготовки къ государственному служенію, то на этотъ вопросъ можно отвѣчать лишь догадкою. Очень можетъ быть, что еще въ родномъ Новгородѣ онъ приобрѣлъ интересъ слѣдить за управленіемъ и порядками общественными, и что новгородское самоуправленіе было школою для развитія правительственныхъ его способностей. Въ бытность же свою протоіереемъ Московскаго Придворнаго Собора, сблизившись съ боярами и семействомъ царскаго брата Владиміра, (за котораго онъ еще въ 1542 г. является ходатаемъ при дворѣ,) имѣлъ полную возможность всматриваться въ положеніе и нужды государства, и, недовольный настоящимъ порядкомъ дѣлъ, навѣрно задавалъ себѣ разныя думы и вопросы, какъ бы поправить настоящее положеніе дѣлъ, вовсе не подозревая, что судьба готовила имъ обширнѣйшее практическое примѣненіе.

*) Истор. Руск. Дух. Литер. Филарета, архіеп. Чернигов. т. 1., стр. 198.

Сильвестръ былъ одна изъ тѣхъ необыкновенныхъ личностей, которыя, во время обычнаго, покойнаго теченія дѣлъ, остаются мало замѣченными и которыя во время общественныхъ переворотовъ и катастрофъ всплываютъ на верхъ политической дѣятельности. Такою катастрофою былъ для него страшный московскій пожаръ 1547 г. Когда разъяренная чернь, расправившись съ царскою роднею, угрожала жизни самого царя, скрывшагося въ это время въ селѣ Воробьевѣ, и когда предъ пробудившеюся по этому случаю совѣстію его возстали страшными призраками всѣ прегрѣшенія распутной юности и бѣдствія безумнаго правленія,—вдругъ, какъ небесный вѣстникъ, является предъ нимъ Сильвестръ. Въ потрясающей рѣчи, какъ на картинѣ, онъ изобразилъ предъ царемъ отчаянное положеніе государства, указалъ, что причиною всѣхъ несчастій—пороки царя, что небесная кара виситъ уже надъ нимъ въ образѣ народнаго бунта, громилъ, увѣщевалъ и ободрялъ, бралъ на свою душу всѣ грѣхи царя и вызвался быть его руководителемъ и спасителемъ. Набожный, впечатлительный Іоаннъ, обыкновенно искавшій укрыться отъ бѣды подъ кровомъ вѣры, весь отдается ея пламенному служителю: привыкшему думать и говорить отъ Писанія, настроившему воображеніе библейскими образами, Іоанну показалось, можетъ быть, что предъ нимъ, какъ предъ древними царями Израиля, стоитъ, въ лицѣ Сильвестра, посланникъ Божій, подобный древнимъ пророкамъ, которые въ минуту общественныхъ бѣдственныхъ переворотовъ, вдругъ изъ простыхъ смертныхъ становились вѣстниками неба, спасителями царей и царства *). Прежнее знакомство съ Сильвестромъ, какъ съ человѣкомъ, служившимъ вблизи двора, уваженіе къ его уму, дару слова, испытанной нравственности могло лишь усилить въ сердцѣ царя вѣру въ его высшее помазаніе, въ его необыкновенныя правительственныя способности, въ высокое административное призваніе. Молодой царь очутился такимъ образомъ подъ крѣпкою опекою Сильвестра не только въ частной нравственной жизни, но и во всей государственной дѣятельности. Оставляя до времени разъясненіе причинъ сближенія его съ царемъ, обратимъ вниманіе на то, какъ послѣдовательна и цѣлесообразна становится его политика на первыхъ же шагахъ. Такъ какъ государство больше всего страдало отъ вкравшихся въ довѣренность царя временщиковъ и ихъ раз-

*) Въ настоящемъ разѣ Сильвестръ очень напоминаетъ собою старшаго своего современника, безсмертнаго Іеронима Савонароллу, вдохновенное слово котораго производило такое изумительное дѣйствіе на слѣпыхъ земли.

сѣянныхъ повсюду слугъ и клеветовъ, то благодѣтельныя свои реформы онъ начинаетъ сверху, съ постепеннаго замѣщенія злыхъ временщиковъ и ихъ клеветовъ людьми способными и благонамѣренными. Дѣло велось чрезвычайно тонко, дальновидно и мудро. „Усвоивъ царю въ дружбу“ постельничаго Алексѣя Адашева, котораго Іоаннъ зналъ и прежде съ самой лучшей стороны, и князя Дмитрія Курлятева, челоуѣка съ родовыми преданіями и личными высокими достоинствами, Сильвестръ собралъ около трона кружокъ князей и бояръ, болѣе другихъ отличавшихся широкимъ взглядомъ на вещи и любовію къ общему дѣлу. Нельзя опредѣленно сказать, изъ какихъ именно лицъ состоялъ этотъ кружокъ, но судя по тому, кто были главными дѣятелями Сильвестровой эпохи, можно съ вѣроятностію полагать, что въ немъ блистали рядъ именъ: Курлятевыхъ, Куракина, Михаила Рѣпинина, Турантая, Пронскаго, Кашина, Воротынскихъ, Одоевскихъ, Дмитрія Палецкаго, Курбскаго, Петра Шуйскаго, Сабурова, Горбатаго, Шереметевыхъ, Морозовыхъ. „Одни изъ нихъ, по словамъ Курбскаго, были старцы, украшенные благочестіемъ и страхомъ Божиимъ, другіе люди средняго возраста, предобрые, прехрабрые, искусные въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ; всѣ были мужи разумные и совершенные, и всѣ вошли въ такую пріязнь и дружбу къ царю, что безъ ихъ совѣта онъ ничего не могъ ни устраивать, ни мыслить“ *). Похвала Курбскаго едва ли преувеличена: это были, дѣйствительно, мужи совѣта и доблести, орлы своего вѣка, блистательно оправдавшіе выборъ своего вождя. Курбскій собираетъ всѣхъ ихъ подъ одно имя „избранная рада“; но едва-ли можно разумѣть здѣсь официальную раду, или боярскую думу; скорѣе это былъ интимный неофициальный совѣтъ, служившій планамъ Сильвестра и Адашева. Многіе изъ этихъ совѣтниковъ засѣдали и въ боярской думѣ и проводили въ ней взгляды своего принципала. Нельзя не подивиться кроткой, мудрой и выжидательной политикѣ, съ какою онъ, забирая къ себѣ въ кружокъ членовъ боярской думы, постепенно передѣлывалъ ее на свой ладъ: государственное высшее учрежденіе, имѣющее за себя свою исторію, новый скромный властитель державы сразу не ломаетъ, не уничтожаетъ, или, говоря нынѣшнимъ языкомъ, не перемѣняетъ министерства; но, постепенно вербуя въ свой интимный кружокъ думныхъ бояръ и князей, кротко, любовно склоняя ихъ къ своимъ политическимъ убѣжденіямъ и планамъ, онъ, не мѣняя много лицъ, измѣняетъ духъ учреж-

*) Истор. Іоан., стр. 11 и 12.

денія и, при его посредствѣ, осуществляетъ свой политическій идеалъ. Другой бы на его мѣстѣ гордо отвернулся отъ всѣхъ вельможъ, которые, видя невозможность дѣйствовать самостоятельно, спѣшили примкнуть къ числу его совѣтниковъ; а онъ самъ шелъ на встрѣчу имъ, зная, что они уже составили себѣ имя въ исторіи и теперь должны быть твердою опорою для него. Можетъ быть, онъ дѣйствовалъ тутъ по прежнимъ отношеніямъ и связямъ; наприм., удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ, князь Курлятевъ были давнишніе знакомцы и друзья его; но и тутъ умъ и заслуга его въ томъ, что и до приближенія своего къ трону онъ умѣлъ составить связи съ такими почтенными фамиліями, и, по вызвышеніи своемъ, не только не забылъ прежнихъ своихъ друзей, какъ это дѣлаютъ достигшіе своихъ цѣлей проныры и выскочки, но и доставилъ въ нихъ государству безспорно полезныхъ дѣятелей. Всѣ старыя и новыя знакомцы, думные бояре и частныя почтенныя лица охотно шли въ его кружокъ потому, что вслѣдъ за царемъ вѣрили въ высшее его помазаніе, склонялись предъ необыкновеннымъ умомъ и нравственнымъ авторитетомъ. И дѣйствительно, удивительный этотъ человѣкъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, умѣлъ всѣхъ примирять, соглашать и направлять къ цѣли; умѣлъ въ значительной степени умѣрять обычный эгоизмъ личныхъ побужденій, издавна лежавшій въ нравахъ знатныхъ родовъ.

Окруживъ тронъ славными родомъ и заслугами совѣтниками, преобразовавъ незамѣтнымъ образомъ составъ, или лучше, духъ высшаго государственнаго учрежденія, Сильвестръ сталъ извлекать изъ толпы людей незнатныхъ, но честныхъ, приближать ихъ къ царю и повѣрять имъ разныя должности въ государствѣ. Дѣло происходило такъ. При выборѣ какого-либо духовнаго сановника, царь поручалъ Сильвестру испытать нравы и разумъ его. Адашевъ имѣлъ такое же вліяніе при опредѣленіи на гражданскія должности, но все дѣлалъ съ согласія всемогущаго Сильвестра. Мало по малу всѣ должности при дворѣ, въ войскѣ и областяхъ замѣщены были людьми, преданными ихъ идеямъ и интересамъ; паразитство и неспособность прогнаны, заслуга и достоинство вознаграждены *) Для послѣдней цѣли,—для вознагражденія достойныхъ служилыхъ людей, Сильвестръ и Адашевъ воспользовались прежде существовавшимъ обычаемъ раздавать помѣстья и вотчины. Въ этихъ распоряженіяхъ иные хотятъ видѣть искусно рассчитанную политику партіи, взявшей себѣ въ образецъ практику

*) Истор. Иоанн. соч. Курбск., стр. 11, 12 и 150.

партій, бывшихъ въ малолѣтство Грознаго, изъ которыхъ почти каждая старалась замѣстить своими приверженцами всѣ должности въ областяхъ и войскѣ, и раздавала имъ земли. Но... сходство здѣсь совершенно внѣшнее. Теперь (въ 1550 г.) земли во множествѣ раздавались только тѣмъ боярскимъ дѣтямъ, которые не имѣли своихъ вотчинъ, и это дѣлалось для того, чтобъ замѣнить доходы „кормленія“ дачею земельныхъ угодій. Мѣра эта значительно увеличила военную силу. Она совпадаетъ съ образованіемъ стрѣльцовъ изъ прежнихъ пищальниковъ. Заподозрѣвать раздавателей этихъ земель въ корыстныхъ сдѣлкахъ съ получателями, какія, напр., существовали во время боярскаго правленія, по меньшей мѣрѣ, странно: ни одна лѣтопись не заявляетъ о томъ, и изъ современниковъ никто не смѣлъ заикнуться противъ безкорыстія новыхъ полновластныхъ правителей. Равнымъ образомъ можно ли допустить, чтобы люди отмѣнно благоразумные, если бѣ они задумали играть въ партіи и раскидывать сѣти ихъ по всему государству, стали составлять партіи изъ такихъ пестрыхъ рядовъ, изъ всѣхъ сословій? Наконецъ, партіи, интрига и другія недостойныя средства и силы развѣ могли бы преобразить разстроенное правленіемъ боярскихъ партій государство въ державу сильную и благоустроенную? Нѣтъ, наши славные дѣятели служили дѣлу, а не лицамъ, и только единство возвышенныхъ цѣлей и общаго блага, на служеніе которому они были призваны, а больше личное обаяніе этого удивительнаго человѣка, Сильвестра, могло примирить и вновь поднятыхъ худородныхъ людей и знатныхъ потомковъ древнихъ удѣльныхъ князей и надолго успокоить сословную гордость послѣднихъ. Характеристиченъ рассказъ одного лѣтописца о силѣ этого вліянія: „Сильвестръ былъ у государя въ великомъ жалованьи и совѣтъ духовномъ и думномъ, и бысть яко вся могій и вся его послушаху, и никто же смѣяше ни въ чемъ противитися ему. Указываше митрополиту и владыкамъ, и архимандритомъ, и игуменамъ, и чернецамъ, и попомъ, и бояромъ, и приказнымъ людямъ и, спроста рещи, всѣмъ владѣяше, обѣма властью и святительскими и царскими, якоже царь и святитель, точію имене и сѣдалища не имѣяше, но поповское имѣяше; токмо чтимъ добрѣ всѣми и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтниками“ *).

Учредивъ высшую избранную раду, рассадивъ по всему государству новыхъ должностныхъ лицъ, снабженныхъ отъ него инструкціями,

*) Царств. кн., стр. 342.

Сильвестръ, со свойственною ему постепенностію и послѣдовательностію, устанавливаетъ между новымъ правительствомъ и народомъ новыя взаимныя отношенія, призываетъ лучшія народныя силы для дружественнаго содѣйствія новому правительству въ благоустроеніи государства. Для этого созывается земскій соборъ, или земская дума (въ 1550 г.) изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Явленіе совершенно новое въ исторіи! Правда, и доброе старое правительство не смотрѣло на народъ, какъ на вещественную массу, изъ которой оно брало бы только войско или деньги, и прежде во всѣхъ областяхъ существовали когда-то вѣча, съ которыми совѣщался князь и въ которыхъ выражалось тогда отношеніе и соприкосновеніе власти государственной къ мысли народной; но эти вѣча существовали въ земляхъ по одиночкѣ, никто не додумывался до великой мысли собрать одно вѣче всѣхъ Русскихъ земель, вѣче вѣчъ: раздоры между князьями и землями не допускали до этого. Теперь, когда государство стало единымъ надъ единою Русскою землею, и государь великій князь московскій сталъ царемъ всей Руси, не было ничего естественнѣе и цѣлесообразнѣе, какъ обратиться единому государству къ единой Русской землѣ и созвать ее всю на совѣтъ: чрезъ это только что собранныя и объединенныя земли должны были сплотиться въ неразрывный союзъ какъ между собою, такъ и съ самодержавною единою властію. Къ сожалѣнію, исторія не знаетъ не только подробностей, но даже главныхъ чертъ этого знаменитаго событія. Неизвѣстно, какъ избирали выборныхъ, кого выбирали и съ какимъ полномочіемъ посылали,—предъ нами только блестящая картина народа, собраннаго на Лобномъ мѣстѣ, и образъ царя, стоящаго посреди народа и духовенства, подъ осѣненіемъ крестовъ и хоругвей, и въ своей трогательной рѣчи кающагося предъ народомъ, умоляющаго народъ оставить ненависть и вражду, обещающаго быть отцемъ и судіею подданныхъ и т. д. Извѣстно также, что правительство и народъ, царь и земля въ первый разъ здѣсь увидались, обнялись другъ съ другомъ и между ними установился свободный союзъ, утвердились новыя отношенія: правительству предоставлена сила власти, землѣ — сила мнѣнія, торжественно признаны двѣ силы, согласно движущія Россію: власть государственная и мысль народная. Союзъ этотъ долженъ быть тѣмъ тѣснѣе и плодотворнѣе, что новое правительство, — не то, что было при боярскомъ правленіи,—не становилось отдѣльнымъ лагеремъ отъ народа,—оно вышло изъ среды народа, изъ всѣхъ его сословій, и должно было нравственно служить народу, а не народъ ему, должно было радѣть о народѣ, а народъ ему.—Спрашивается, насколько при-

надлежить Сильвестру честь созванія собора, участія въ ораторской декламациі, слышанной на соборѣ, и установленія прекрасныхъ отношеній двухъ великихъ политическихъ силъ? Думаютъ *), что юный царь, который не могъ еще собрать собственныхъ мыслей въ головѣ, у котораго свой умъ далеко еще не царь въ головѣ,—ему тогда было 17 лѣтъ отъ роду, — не могъ самъ придти къ великой мысли о созваніи собора, что произнесенная имъ здѣсь рѣчь цѣликомъ была написана ему Сильвестромъ, и что установленіе новыхъ отношеній между государствомъ и землею было исключительнымъ дѣломъ Сильвестра.— Отдавая полное уваженіе счастливымъ дарованіямъ Іоанна, которыя въ этомъ возрастѣ, при извѣстной долѣ его ранняго самообученія, не могли не проявить себя, но съ другой стороны не вѣря въ ихъ необычайную талантливость, мы склонны думать, что прекрасная рѣчь его написана имъ самимъ, но не безъ содѣйствія и поправокъ Сильвестра: Іоаннъ, всегда любившій порисоваться наряднымъ словомъ, если когда, то особенно теперь, въ пору ранней юности, при первомъ представленіи народу въ роли публичнаго оратора, не могъ обойтись безъ поправокъ и указаній своего ментора, за которымъ всѣ признавали большіе ораторскіе таланты. За вѣрное можно выдавать, что обнаружившіяся въ рѣчи знаніе общественныхъ недостатковъ и нуждъ, государственныя гуманныя стремленія онъ почерпнулъ отъ Сильвестра: потому что Іоанну до сихъ поръ намѣренно закрывали глаза, чтобъ не видѣть ему ранъ и язвъ общественныхъ и воспитывали его въ удаленіи отъ дѣлъ государственныхъ. Далѣе, такъ какъ Іоаннъ, изъ дѣтства воспитавшій въ себѣ высокія понятія о царственномъ достоинствѣ, считалъ ниже своего достоинства обращаться за совѣтомъ къ боярамъ, и такъ какъ подобныя понятія были правиломъ всей его жизни и дѣятельности, вдохнули силу и энергію его характеру, который въ 17-ти лѣтнемъ возрастѣ долженъ былъ предъявить уже свои властолюбивыя права, то смѣло можно полагать, что обращеніе за народнымъ совѣтомъ, или соборнымъ мнѣніемъ было не въ его понятіяхъ, не въ его характерѣ. Только Сильвестръ, гражданинъ того великаго города, общественная дѣятельность котораго вся вращалась нѣкогда около народныхъ вѣчъ, для котораго они были идеаломъ, залогомъ всего лучшаго, могъ убѣдить царя обратиться къ народному вѣчу. Но и онъ, подлаживаясь подъ настроеніе и характеръ Іоанна, уступая его

*) Статья Погодина: Іоаннъ Грозный, помѣщенная въ Библіотекѣ для Чтенія за 1834 г.

завѣтной идеи самодержавія, долженъ былъ дать строй новому собору во вкусѣ юнаго самодержца, долженъ былъ предоставить собору одну чисто-нравственную силу мнѣнія, безо всякой примѣси внѣшней принудительной силы, которую позволяли себѣ иногда древнія областныя вѣча. Силу эту сами выборные выразили предъ царемъ такъ: „какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, государь, это — твоя воля, а наша мысль такова“.

Заручившись нравственнымъ содѣйствіемъ народа, вѣроятно, съ вѣдома и разума земскаго собора, Сильвестръ начинаетъ рядъ реформъ, обнимающихъ все отрасли государственной, общественной, церковной и частной жизни: новымъ лицамъ даются новыя законоположенія. Прежде всего Сильвестръ со своими мудрыми совѣтниками озабочивается преобразованіемъ судебныхъ, административныхъ и земскихъ учреждений. Плодами этой заботливости являются Судебникъ и Уставныя грамоты. Въ слѣдующемъ году поступаютъ къ преобразованію церковнаго управленія и церковно-общественной жизни. Для этого созывается Стоглавый соборъ. Многопопечительная заботливость реформатора проникаетъ и въ семейную жизнь и, вѣроятно около этого времени, какъ наилучшее средство къ благоустроенію семьи, появляется знаменитый Домострой.

Въ частности о Судебникѣ съ достовѣрностію можно полагать, что къ составленію его рѣшено приступить на земскомъ соборѣ: на этомъ соборѣ, какъ извѣстно, избраны „судьи правдивые“, а это и были, по всей вѣроятности, составители будущаго Судебника. За это дѣло раньше другихъ принялись потому, что требовались самыя неотложныя и систематическія мѣры противъ произвола правителей и судей и всякаго рода насилія, грабежей и разбоевъ. Нельзя указать, когда, какъ и кѣмъ составлялись законоположенія Судебника и Уставныхъ грамотъ: намъ остались только редакція Судебника и нѣсколько грамотъ. Но достаточно вникнуть въ общій строй законодательной дѣятельности этого времени, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ отразилось на ней всемогущее вліяніе Сильвестра. — Въ первыхъ опытахъ этого законодательства рѣзко поражаетъ насъ развитіе двоевластія и двоесудія, элементовъ государственнаго и земскаго: какъ на соборѣ обнялись, сдружились и установили между собою дѣятельный союзъ двѣ великія политическія силы — правительство и земство, такъ и по Судебнику Іоанна IV являются взаимнодѣйствующими двѣ отличныя силы: государство и земщина; это совершенно въ духѣ Сильвестра. Не касаясь установленнаго Судебникомъ государственнаго судебного меха-